

словутицю! ты пробилъ
еси каменные горы скво-
зъ з е м л ю Половецкую.
Ты лелѣлъ еси на себѣ
Святослави носады до
плѣку Кобякова: вѣзлелѣй.
господине мою ладу къ
мнѣ, а быхъ неслала къ
нѣму слезъ на море рано.
Ярославна рано платетъ
къ Путивлѣ на забралъ,
аркухи: свѣтлое и тресвѣт-
лое слѣнице! всѣмъ тел-
ло и красно еси: тему
господине простре горя-
чую свою лутю на ладѣ
вомъ? въ полѣ безводнѣ жа-
ждею ить лутки сѣлря-
же тугую и мѣ тулк
затге.

Прысну море полунощи;
идутъ сморци мѣглажи;
Игоревн Князю Богѣ луть
кажетъ изъ земли Поло-
вецкой на землю Рускую,

„каменные сквозь землю По-
ловецкую; ты носилъ на се-
бѣ Святослововы военныя
суда до спану Кобякова:
принеси же и ко мнѣ моего ми-
лаго, чпобѣ неподашь мнѣ
къ нему слезъ своихъ по уп-
рамъ на море.“ Ярославна
плачетъ поупиру въ Путивлѣ,
и сидя на городской стѣнѣ
приговариваетъ: „О свѣшное
и пресвѣшное солнце! дѣ
всѣхъ ты тепло и красно:
но къ чему ты шакъ уперло
знойныя лучи свои на мильхъ
мнѣ воиновъ? Къ чему въ полѣ
безводномъ, муча ихъ жаж-
дою, засушило ихъ луки, и
къ горести колчаны ихъ за-
крѣпило?“

Возволновалось море въ по-
луночи, мгла сполбѣмъ поды-
маешся; Князю Игорю Богѣ
путь кажетъ изъ земли Поло-
вецкой въ землю Рускую,